

Владимир Клавихо-Телепнев:

«Кадр — это концентрированный фильм»

Он десять лет работал репортером, потом три года снимал моделей, столько же — рекламу, а еще три года назад оставил мир гламура, чтобы заняться творчеством. Теперь он снимает только то, что хочет. Его работы не спутаешь со снимками других фотографов. От них исходит удивительная, почти магическая сила...

МОНОЛОГИ**О ЧУВСТВЕННОСТИ**

Мне очень не нравится brutальный подход к женщине в современной России. Сегодня уважаемым человеком у нас считается не ученый или художник, а состоятельный бизнесмен. Вот и показывают все время девушек из светских тусовок, как бы, в представлении этого бизнесмена, должны быть рядом. В фотографиях обнаженного тела преобладает агрессивная зрелищность. Мне такой подход всегда казался оскорбительным. Именно поэтому я сделал фотосерию портретов сорока разных женщин под названием «Sensuality», где чувственность противопоставляется показной сексуальности. Я сознательно ограничил себя в выборе выразительных средств. Все женщины сидят спиной к камере; ничего такого они не показывают, но это явно но: зрелищны их линии тела, пластика, детали. Во время съемки они чувствовали себя словно скрытыми некой ширмой, но в то же время, расслабившись, могли со мной общаться. И такой подход дал хороший результат.

Я не придумываю образы заранее, а импровизирую. Знаю приблизительно, что хочу снять, допустим, в стиле 30-х годов, но понятия не имею, как именно. Вот человек

вошел, что-то уронил, какая-то нелепость... из этого начинает выстраиваться сюжет. Надо просто быстро найти нужный ключ, а дальше все пойдет само собой. Я никогда не иду на создание образа, предлагаемого другими. Для меня кадр — это концентрированный фильм. разве может актер советовать режиссеру, как строить фильм?

О МУЗАХ

Чтобы сделать хороший, запоминающийся портрет, нужно сильно любить того, кого снимаешь. Для меня очень важна предварительная встреча, когда выкладываются козыри мотивации любви к человеку. Разумеется, женский и мужской портрет — разные вещи. Если мужчина в ходе съемки становится мне другом, то женщина — кем-то больше. Правильнее всего сказать — музой. Музу нельзя вождеть, нельзя уважать. К ней

питаешь совсем другие чувства. Многие женщины, которых я снимал, становились для меня постоянными источниками вдохновения. И однако, я всегда помню, что это реальный человек. Видимо, от такого двойного восприятия и получается хороший женский портрет.

Если бы энергетика, которую вызывает восхищение музой, была односторонней, она бы уходила в пространство, отнимая силы, но я всегда чувствую ответную реакцию. Я очень концентрируюсь во время работы, чтобы не разрушить тонкую связь общения. При съемке важно постоянно видеть глаза друг друга. Камера — всего лишь мембрана, которую я в определенный момент вкладываю между нами, и тогда на ней фиксируется наша энергетика. Это происходит так незаметно, что не разрушает связи. Да и атмосфера студии мне частично помогает. Есть в этом, конечно, доля профессиональной хитрости. Вообще-то лучший портрет получается, когда я и сам забываю, что между нами что-то стоит. Тогда это просто счастье.

Я не делаю гламурность. В проекте «Русские красавицы в образах кинодив 20–40-х годов» в одном кадре сконцентрировано целое художественное кино. Его героиня разыгрывает определенную роль и одновременно раскрывается сама как личность. Все персонажи этой серии не просто красивые женщины; они состоялись в разных областях искусства и других видах интеллектуальной деятельности. Когда люди принимают мою концепцию, получают прекрасные работы. Я сейчас принципиально не снимаю моделей. Они несут некий образ, но ты чувствуешь, что внутри пустота. Лишь одна из ста, наверное, может быть личностью.

О ДЕТЯХ

Съемки детей — это камертон в профессии фотографа. Ребенка приводят в незнакомую квартиру к длинноволосому бородатому дядьке, вокруг какие-то странные

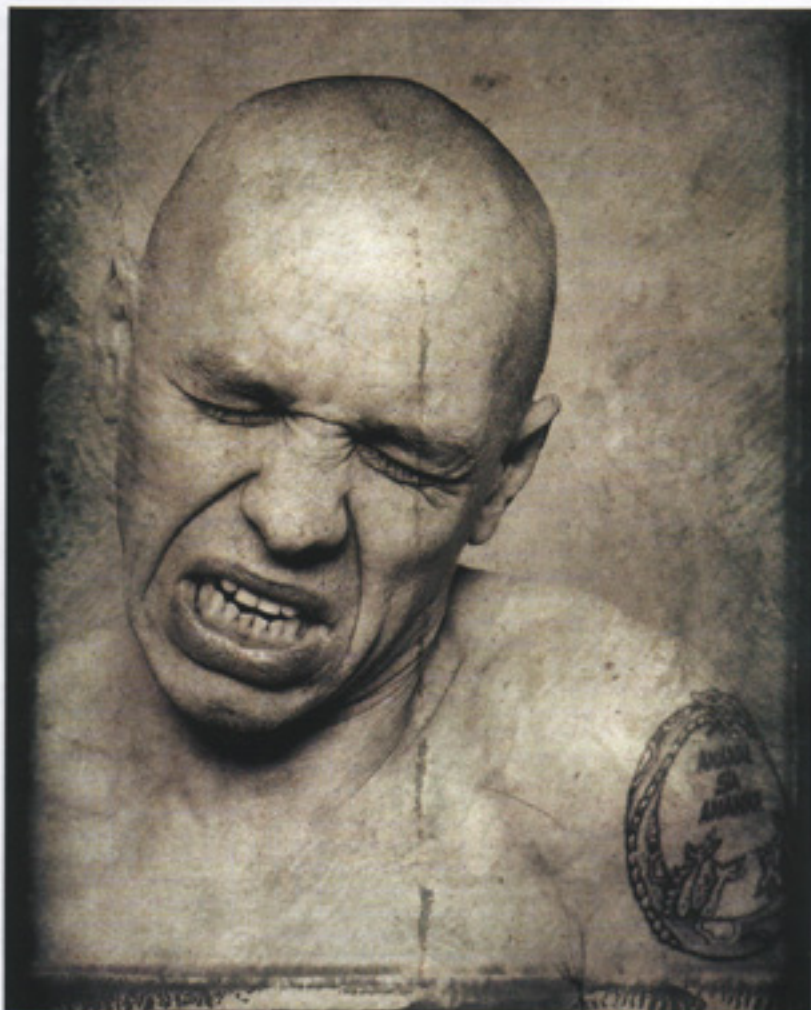

Фотография — это сгусток воспоминаний. Благодаря ей ты всегда помнишь молодым себя и своих близких.

механизмы, которые вспыхивают и пугают... Если вам удастся маленького человека так настроить, чтобы он забыл про все эти механизмы и про то, что вы волосатый и страшный, значит, вы преуспели в своем деле. Я до сих пор помню, что чувствовал в 5–6 лет, и прекрасно представляю, как бы я воспринял те глупости, что говорит мне взрослый человек. Я сам наслаждаюсь тем, что погружаюсь в детство и вместе с ребенком что-то делаю. У нас как-то всегда весело. У меня самого дети: сыну Николаю 8 лет (но он живет не со мной), а дочкам

5 и 4. Первую мы с женой назвали Анной-Марией, потому что не могли прийти к согласию насчет имени, а когда на свет появилась вторая, во избежание будущих обид пришлось и ее наградить двойным — Нина-Клементина.

Детей я снимаю минут 15–20 — быстрее, чем их красят (примерно час). Если девочке сделать взрослый макияж, это дает неожиданный эффект — удивительное обаяние детства проступает еще сильнее. Но только у девочек до 6 лет. У тех, что старше, раскрашенные лица выглядят пошло. Разногласий со стилистами у меня не бывает. Все мои близкие друзья, практически члены семьи, и они всегда знают, что мне нужно. Когда-то мы вместе начинали с Сашей Шевчуком. Помню, снимали портрет Илзе Лиены.

На ней была вуаль, да я еще усложнил освещение... Саша очень переживал, что глазок не видно, ручек не видно. Я ему тогда сказал: «Саш, понятно, тебе жаль, что не все проявилось, но, если бы работал другой визажист, вообще бы ничего не вышло». А вместе у нас получилось потрясающе. Высокое искусство строится на мельчайших нюансах.

О МОРАЛИ

После второго путча я бросил репортерскую работу и целый год почти ничего не делал. Все казалось бессмысленным. Люди генетически забыли войну и страх, лезли под пули... Я вот думал, через сколько забудут Беслан? Первое время телевидение захлебывалось репор-

тажами. Показывали, как люди дают деньги... Это кошунство. Как индальгенция, которую мы сами себе выписали. Сдали — почувствовали облегчение — вроде сделали что-то хорошее. Я был в это время в Париже, и у меня началась депрессия. Я сидел в гостинице и думал: какой чепухой я занимаюсь, показываю женские слезы, зачем это нужно? Я хотел опять вернуться в репортаж, сделать специальную съемку, провести акцию. Если мы даже на такие события не реагируем, то что же тогда нас способно потрясти? Не представляю, как можно ходить в зал, где играли «Норд-ост». А многие ходят посмотреть, как все было, — это же ужас! Понятие морали размыто. Беслан начали

забывать через неделю. И я тогда подумал, что с душевным цинизмом и мародерством нужно бороться иначе. Когда американцы бомбили Белград, я тоже поначалу хотел ехать туда снимать. Казалось, бред: как можно в наше время бомбить европейский город? А потом я сделал проект «Белград». Я, Таня Друбин, Гарик Сукачев, другие мои знакомые проговаривали с большой буквой из слова Београд (по-сербски) — сколько букв, столько и персонажей. Я хотел эту серию фотографий поместить в какой-нибудь еженедельник, но никто не захотел связываться с политической акцией. И только журнал «Мезонин» сделал на один день выставку. Для меня это было очень важно. А теперь говорят, это проект мирового значения.

Я очень жалею, что не успел снять наших великих современников: академика Лихачева, Иосифа Бродского... На фотографии лежит большая ответственность перед миром.

Записала Мария НЕКРАСОВА.